

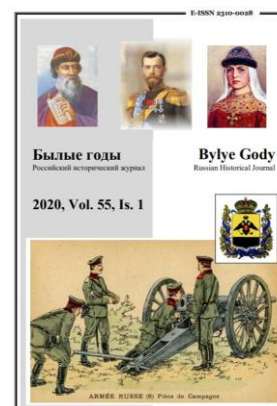
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 77-87. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.77
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Influence of an External Factor on the Polish Politics of Alexander I

Mikhail S. Belousov ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

This article discusses one of the aspects of the ethno-confessional policy of the Russian autocracy, namely the process of incorporating the Kingdom of Poland into the Russian Empire. The historiographical review shows the main vector of the genesis of Russian historiography on this issue: from the pre-revolutionary period, there is an opinion about the Polish Constitution as one of the projects in the series of constitutional intentions of Emperor Alexander I. The article attempts to propose a different interpretation of this phenomenon. The importance of the press and public opinion in the political life of Europe in the period after the Napoleonic Wars is noted. It is shown that Alexander I after the Vienna Congress was at the zenith of fame, and hence his next steps on the Polish question are explained by the desire to continue to maintain the status of the European monarch on the Russian throne. At the same time, the emperor's famous Warsaw speech was received very coolly by publicists. At the same time, a series of events begins in Europe, and the articulations of Russian diplomats actualize the chimera of the threat to the monarchies from the global conspiracy of secret societies – it was this myth that led to the curtailment of the emperor's liberal undertakings.

Keywords: Russia, Poland, Alexander I, national politics, center, region, constitution, monarchy, French press.

1. Введение

Предлагаемая статья посвящена польской политике Александра I после Венского конгресса. Сюжет этот достаточно подробно изучен как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Другое дело, что, как нам представляется, изучен достаточно однобоко. Политика в Царстве Польском интуитивно вписывается исследователями в логику внутренних преобразований императора в целом. Польская конституция воспринимается в череде многочисленных проектов, созданных по поручению российского императора. А консервативный поворот 1820-х соотносится с усилением реакции в конце царствования. Представляется, что наряду с внутренними причинами подобных действий следует обратить внимание и на внешние факторы деятельности российского самодержавия в недавно присоединенном регионе.

2. Материалы и методы

Рабочая гипотеза настоящей статьи связана с предположением, что Александр I, реализуя мероприятия польской политики, в определенный период ориентировался на реакцию Запада, выраженную в первую очередь в газетных публикациях. Отсюда основным источником данного исследования стали французские периодические издания, которые формировали реакцию на различные новости не только Франции, но и всей Европы. Прежде всего речь идет о двух самых растиражированных французских газетах, доступных всей Европе, – *Le Journal des Débats* и *Le Constitutionnel*. Обе обладали достаточно четкой идеологической ориентацией. Первая являлась

* Corresponding author

E-mail addresses: m.belousov@spbu.ru (M.S. Belousov)

роялистским изданием, поддерживающим деятельность Ф.-Р. Шатобриана, а вторая была наполнена либеральной публицистикой (Ангран, 1952: 98-116). При этом, помимо собственных источников, редакции газет активно черпали информацию из европейской периодики в целом. Заметки публиковались или перепечатывались из других источников практически без комментариев, согласно французским традициям публичной коммуникации. Однако благодаря использованию тех или иных форм прилагательных удается предположить отношение редакции к публикуемым новостям.

Методологически исследование выполнено в духе кейс-стади, так как именно эта методология активно применяется в новейшей историографии при исследовании этноконфессиональной политики властей на национальных окраинах: в Прибалтике, Финляндии, на Украине, в Средней Азии и т.д. Польский вопрос с момента первого раздела Речи Посполитой также не терял своей актуальности – периоды достаточно эффективной политики российских властей перемежались с провальными этапами.

Особенность источниковой базы данного исследования потребовала обратиться и к приемам контент-анализа и дискурс-анализа для выявления особенностей отражения политики самодержавия в польском вопросе.

3. Обсуждение

Рассматриваемый сюжет имеет достаточно богатую историографию. К этой проблематике обращались как отечественные, так и зарубежные авторы. Среди последних следует отметить интересные работы о «возрождении» польского вопроса в эру наполеоновских войн (Zawadzki, 1985: 19-44), о взаимоотношениях Александра I с его ближайшими сподвижниками и их влиянии на формирование позиции императора (Black, 1981: 1-19; Morley, 1947: 405-426; Thackeray, 1983: 32-46), об отражении этого сюжета в движении декабристов (Blackwell, 1958: 30-54; Walker, 1970: 43-54) и, конечно же, об особенностях управления вновь присоединенной территорией (Ledonne, 2003: 5-33; Strakhovsky, 1941: 467-492).

Данная проблематика в отечественной историографии еще в дореволюционный период приобрела определенный вектор развития. А.Н. Пыпин в одном ряду перечислял воззвание к германским народам 1813 г., настойчивое требование создать хартию для Франции, дарование польской конституции и варшавскую речь Александра I (Пыпин, 1885: 356-358). Все эти шаги, интерпретируемые как звенья всплеска правительственного либерализма, А.Н. Пыпин рассматривал параллельно с анализом причин возникновения первых декабристских организаций. Получилась достаточно стройная и логичная картина: Заграничный поход изменил и власть, и общество, император стал инициатором либеральных преобразований, а молодые люди (будущие декабристы), движимые теми же мотивами, заразились мечтаниями о конституционных преобразованиях России.

Эта точка зрения получает развитие в творчестве Г.В. Вернадского, и прежде всего в его фундаментальном исследовании, посвященном Государственной уставной грамоте. В вводной части работы историк утверждает: она «не была случайным или малообдуманным наброском политической реформы. Грамота, наоборот, занимает определенное место в развитии всей политической системы императора Александра» (Вернадский, 1925: 1). Далее предлагается панорамный обзор правительственных конституционных инициатив первой четверти XIX в. – Грамоты Российскому народу А.Р. Воронцова, проекта М.М. Сперанского, записки А. Чарторыйского... Именно взгляды последнего, по мнению Г.В. Вернадского, и стремление к конституционному переустройству славянского мира предопределили цели русско-турецкой войны. С похожими принципами российская дипломатия действовала в заключительный период наполеоновских войн, логичным итогом чего стало появление Польской конституции. Ее создание актуализировало вопрос о передаче в состав Царства польского западных губерний, отмену там крепостного права, а венцом стала разработка общероссийского проекта – Государственной уставной грамоты. Таким образом, Г.В. Вернадский считал, что именно конституционные устремления Александра I были главным двигателем его внешней политики, при этом все эти инициативы являлись не случайными, а одна интенция проистекала из предшествующей.

Пожую точку зрения обозначил С.В. Мироненко. Историк показывает, что судьба герцогства Варшавского была предрешена, что Александр I отправлялся на Венский конгресс с твердым намерением добиться включения всей Польши в состав России и дипломатически закрепить обязанность ее конституционного устройства. Эта позиция встретила противодействие как со стороны европейских дипломатов (Каслри и Штейна), так и со стороны российских представителей – прежде всего Поццо ди Борго (Мироненко, 1989: 148). В скобках отметим, что подобный взгляд практически идентичен оценке одного из современников – Н.И. Тургенева (Тургенев, 2001). Затем, опираясь на воспоминания М. Огинского, а именно на эпизод встречи последнего с Александром I, историк делает вывод: «...мысль о распространении впоследствии конституционных норм, вводимых в Царстве Польском, на всю Российскую империю была у Александра еще в 1815 г. Польская конституционная хартия была лишь прелюдией» (Мироненко, 1989: 154).

Получается следующая картина: Александр I под влиянием Чарторыйского проникся полонофилией, с этим убеждением он настойчиво добивался включения Польши в состав России на Венском конгрессе, и при этом Царство Польское стало великолепной площадкой для

конституционного эксперимента, который планировалось затем распространить на всю Российскую империю. Похожую логику повторяет М.П. Рей, отмечая, что «независимая, связанная с Российской империей лишь династическими узами <Польша> лучше справилась бы с ролью “культурной посредницы”» (Рей, 2013: 343). Таким образом, мы видим еще аргумент в пользу того, что присоединение Польши и вся политика, проводимая в ней в начальный период, имели исключительно внутренние предпосылки: император искал плацдарм для апробации конституционных идей, увлеченный модернизацией России, а кроме того, подходящая для этого Польша, в отличие от Финляндии, могла послужить каналом вестернизации России.

Наверное, можно было бы согласиться с укоренившейся в историографии еще с дореволюционного периода точкой зрения. Но в таком случае мы должны были бы принять как аксиому тезис о том, что в России все государственные реформы проводятся четко и последовательно по заранее сформулированному плану, а во главе государства стоят люди, лишённые страстей, олицетворяющие собой персонализированную технократию. И что самое парадоксальное: эту аксиому необходимо сгладить с утверждением, что юношеские идеалы и влияние «молодого друга» могут на десятилетия определить политику целой империи. К сожалению (или к счастью), это совсем не так. Поэтому предпримем попытку предложить иную интерпретацию логики Александровской политики в польском вопросе.

4. Результаты

В 1799 г. начинается новая эпоха в истории российской дипломатии. Ф.Ф. Ушаков в ходе Средиземноморского похода освобождает Ионические острова от французского владычества. Победа ставит его в необычное положение: адмирал должен организовать систему управления освобожденными территориями, которая обеспечила бы реализацию российских интересов и была бы достаточно жизнеспособна. Начинается разработка так называемого «Плана об учреждении правления...», который в дальнейшем становится Конституцией Семи Островов. Как мастерски показала А.М. Станиславская, «необходимость обеспечить во время войны опорный пункт в Восточном Средиземноморье закономерно вела Ушакова к мысли о создании на островах конституционного режима» (Станиславская, 1983: 149). А далее историк отмечает, что «на то царизм толкала не добрая воля, а неотвратимая сила вещей» (Станиславская, 1983: 151).

Как показал уже современный исследователь В.Ю. Захаров, «попытка была признана весьма успешной, так как в ходе реализации этого проекта удалось значительно усилить влияние России в регионе и заручиться поддержкой не только военных средств» (Захаров, 2010: 45). В ряде статей (Захаров, 2005: 26-38; Захаров, 2006: 94-107) историк демонстрирует, что конституционная дипломатия становится привычным модулем деятельности в локальных конфликтах. Александр I требовал создания французской Хартии, руководствуясь не своими либеральными взглядами, а прежде всего практическими принципами – необходимостью укрепить власть вернувшихся Бурбонов, с одной стороны, и обеспечить пророссийские настроения во Франции – с другой.

В контексте польского сюжета следует обратить внимание на один важный факт. Александр I добился включения в «Дружественный трактат» и в Заключительный акт Венского конгресса следующей статьи: «поляки, подданные высоких договаривающихся сторон, будут иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который каждым из правительств будет признан за полезнейший и приличнейший для них в кругу его владений» (Конституционная хартия, 1907: 19). Таким образом, российский император стремился к тому, чтобы все польские земли, вне зависимости от их принадлежности, получили бы конституционное правление. То есть Александр I считал жизненно важным подобную организацию власти в том числе и на тех землях, которые войдут в состав Австрии и Пруссии. Этот факт разрушает логику господствующей в историографии точки зрения и свидетельствует, что стремление создать представительные режимы было связано исключительно с необходимостью сформировать максимально лояльные режимы для каждой из держав. Таким образом, Александр I руководствовался прежде всего геополитическими интересами, а не идеей использовать Польшу как площадку для конституционных экспериментов.

Но здесь нужно сказать еще об одном обстоятельстве. Великая французская революция разрушила привычный миропорядок и понимание реальности. Возникновение и широкое распространение новых способов коммуникации в обществе приводят к разрушению гегемонии государства в формировании информационного поля, моделей мышления и поведения. Главенствующую роль в этом играют средства массовой информации: публицисты, вслед за Ж.-П. Маратом, становятся ключевыми акторами политического процесса. Возникновение печатных изданий позволило перенести в общественное пространство дискуссии, прежде происходившие исключительно внутри государственных институтов и представителей политической элиты. Средства массовой информации, являясь трансляторами различных идей и моделей мышления, становятся создателями совершенно новых идеологий, которые, переплетаясь друг с другом, формируют новые и новые субъективные представления о реальности.

Наполеон, сопротивляясь духу времени, пытался превратить французские газеты в «носовые платки» (Тарле, 1996), но уже после подписания первого Парижского мира начинается возрождение французской публицистики. В самый начальный период, безусловно, всех будоражили события Венского конгресса. Собирались и слухи, и официальные заявления. Касательно Польши звучали самые разные мнения, но, как можно заметить по тону публикаций, большинство выступало за сохранение за поляками какой-либо формы государственности. В связи с чем информация, полученная из достоверных источников, о том, что Россия, Пруссия и Австрия нашли компромисс по польскому вопросу, вызвала однозначное одобрение: подчеркивалось, что это полностью совпадало с национальными интересами Польши (Journal..., 1815a). Новость о принятии итогового решения по Польше вызвало всеобщее ликование, несмотря на то что отдельные вопросы (в частности, об установлении точных границ) еще не были решены (Journal..., 1815c).

При этом, невзирая на позитивный тон подачи, роялистская пресса высказывала определенные сомнения в легитимности новой власти. Венский конгресс, и все с ним связанное, вызывал крайне негативную реакцию как со стороны бонапартистов, так и со стороны роялистов. Последними ставилось под сомнение право великих держав вопреки всем устоям и традициям перекраивать карту Европы. Присоединение Польши к России путем дуалистической монархии воспринималось негативно, поскольку Александр I не имел наследственных прав на польскую корону, а также не был даже избран, как многие короли Речи Посполитой (Journal..., 1815d).

Александр I оказался в самом эпицентре этого медиапотока и, конечно же, стремился заручиться симпатией общественного мнения. Показателен эпизод разговора российского императора с лордом Греем во время визита на Британские острова. Александр I выражал восхищение английской политической системой и, видимо, в угоду контрагентам заявил о намерении ввести в России *un foyer d'opposition* (фр. «очаг оппозиции» – Авт.). К этому же времени относится другой эпизод. Газеты широко растиражировали фразу российского императора после победы над Наполеоном: «Правитель должен следовать за движением человеческого духа или сгинуть в небытие» (Journal..., 1815b).

Французские публицисты с пиететом пересказывали новости об установлении границ между новообразованным Царством Польским и другими европейскими державами (Le Constitutionnel..., 1815a; Le Constitutionnel..., 1815b), о манифестах Александра I к польскому народу (Journal..., 1815e), а также о прибытии военных и гражданских депутатов к императору России для присяги ему как новому королю (Journal..., 1815g; Journal..., 1815h). Показательно, что новости о присяге публиковались в большинстве случаев исключительно роялистскими изданиями, к которым относилась *Journal des Débats*. Либеральные, как, например, *Le Constitutionnel*, – напротив, сконцентрировались на вопросах установления государственных границ и движения русских войск.

В ноябре 1815 г. Александр I планировал совершить свой первый официальный визит в Польшу и торжественно въехать в Варшаву как в одну из своих «новых» столиц. Основной целью планируемого визита являлось формирование польского правительства и провозглашение конституции Царства Польского. Французская общественность с нетерпением ожидала исторического визита и принятия новой конституции как обязанности со стороны Александра I (Le Constitutionnel..., 1815b). На протяжении осени 1815 г. редакции ключевых газет предпринимали попытки предугадать ее будущее содержание, а также истоки. Вначале журналисты обратились к Парижскому мирному договору 1814 г. (Le Constitutionnel..., 1815c), опубликовав все пункты, относящиеся к Польше. Именно данный договор определил новые границы Европы и содержал дополнительно соглашение Франции с Российской империей по поводу судьбы герцогства Варшавского (Article..., 1815: 22-23). После этого они обратились к трактату о Священном союзе (Le Constitutionnel..., 1815d), поскольку он окончательно закрепил новую Венскую систему международных отношений и место Польши в ней путем создания гарантов принятых договоренностей в лице России, Австрии и Пруссии. Определив ключевые контуры новой мировой политической системы, газеты обратили свое внимание на вышеупомянутые принципы для новой польской конституции. Каждый их пункт был поочередно воспроизведен как в роялистских, так и бонапартистских изданиях на протяжении всего времени ожидания новостей из Варшавы, и даже после (Le Constitutionnel..., 1816a; Le Constitutionnel..., 1816c; Journal..., 1816a; Le Constitutionnel..., 1816d).

Александр I показательно отдал составление проекта представителям польского истеблишмента. Безусловно, этот шаг был намеренным со стороны императора, который желал предстать перед всей Европой в качестве освободителя, а не завоевателя, и показать, что принимает во внимание желания польского народа. Следует отметить, что данная политика императора имела определенный успех. Визит императора в Варшаву широко освещался во французской прессе. Так, например, подробно описывался торжественный обед на 100 кувертов, куда были приглашены русские и польские высшие офицеры, что должно было подчеркнуть примирение ранее враждующих сторон. Кроме того, особое внимание уделялось речи Александра I, произнесенной перед польской делегацией. В ней он выразил сожаление по поводу того, как сильно пострадала польская земля от наполеоновских войн, и заверил всех собравшихся, что все свое время тратит исключительно на улучшение благосостояния страны и счастья ее жителей, в числе которых теперь и поляки (Le Constitutionnel..., 1815e). Также был

опубликован указ императора о новой валютной системе Царства, согласно которому на аверсе всех новых монет наносилась надпись: «Александр I, император и самодержец всея Руси, Король Польши и прочее», а на реверсе – герб Польши ([Le Constitutionnel...](#), 1816b).

Подписание и публикация польской конституции вызвала восторженную реакцию. Новость достигла Парижа только к середине января 1816 г. Французские газеты вкратце описывали происходящие в Варшаве события и отмечали, что конституция либеральна и полностью соответствует пожеланиям польской нации. Подчеркивалось, что принятие новой конституции – это прижизненный памятник Александру I и что именно он возвратил польскому народу один из важнейших элементов его национального существования («*son existence nationale*»), утраченный по причине особого географического положения Польши ([Journal...](#), 1816b; [Le Constitutionnel...](#), 1816b), т.е. на стыке границ и интересов России, Австрии и Пруссии. Особую роль играли и сообщения о том, что польская армия, возвращающаяся из Франции, почти подошла к Варшаве и ожидает только приказа великого князя Константина ([Le Constitutionnel...](#), 1816e).

Восторг французской прессы являлся естественной реакцией, Александр I воспринимался как последователь модели монархического либерализма, популярной в среде французских публицистов в этот период. Поддержку начинаний Александра I в Польше выразил лично Б. Констан. Он отмечал следующее: «...император Александр более свободен в отношении устройства, которое он дарит Польше, потому что земля, усыпанная руинами, предоставляет для архитектора новую площадку, утешает ее введением конституции и восстановлением многих политических прав» ([Constant, 1817: 106](#)). В скобках заметим, что именно в 1816 г. Б. Констан оказался в зените своей литературно-публицистической карьеры и к его работам было приковано всеобщее внимание ([Valette, 1964: 426-431](#)).

В стороне не осталась даже Великобритания, чья общественность до этого занимала в большей степени враждебную позицию по отношению к России и к итогам Венского конгресса. Английская газета *The Courier* напечатала статью в ответ на слухи, распространяемые радикальными французскими газетами относительно новой войны в Европе. Редакция утверждала, что Россия желает только установления мира на европейском континенте для восстановления государства после тяжелой и затяжной войны против Наполеона ([The Courier, 1816; Journal...](#), 1816c).

Таким образом, французская пресса артикулировала дискурс царя-освободителя: Александр I разгромил Наполеона не для того, чтобы стать новым Наполеоном. Его единственным устремлением было благоденствие его новых подданных: поляки возвращались домой из затянувшегося военного похода и наконец-то получали желанную свободу в виде собственной конституции именно благодаря российскому императору. В скобках отметим, что получалась прямо противоположная картина по сравнению с разделами Речи Посполитой. Фактически и при Екатерине II, и при Александре I Россия значительно отодвигала западную границу, присоединяя к себе новые территории. Но согласно французским публицистам, 1795 г. – это узурпация и порабощение, 1815 г. – долгожданное освобождение.

Такие шаги императора и особенно реакция зарубежной прессы вызывали непонимание и даже неприятие в российском обществе. Стало складываться убеждение, что польская политика императора продиктована исключительно его стремлением угодить европейскому общественному мнению. «Он ищет более личной славы, нежели блага подданных», – беспелециозно писал С.П. Трубецкой о действиях императора в первые годы после завершения наполеоновских войн ([Трубецкой, 1983: 223](#)). Именно данное обстоятельство привело к разочарованию и подтолкнуло молодых людей создать патриотическое общество. Не менее однозначно высказался И.Д. Якушкин: «Император Александр в Европе – покровитель и почти корифей либералов» ([Якушкин, 2007: 15](#)). Следует отметить, что именно тогда, на заре существования тайного общества, происходит так называемый Московский заговор декабристов. По мнению многих историков, полученное известие о планах императора присоединить к Польше западные губернии настолько задело патриотические чувства молодых людей, что привело к появлению плана царевубийства.

Можно привести в пример еще немало подобных эпизодов категорического неприятия российскими интеллектуалами планов Александра I в польском вопросе. М.М. Сафонов даже высказал гипотезу о том, что сам по себе факт образования тайного общества следует связывать с интенциями императора по отношению к Польше, приведя несколько существенных аргументов ([Сафонов, 2014: 84-98](#)). Но рассмотрим контрфактическую ситуацию. Дворянство западных губерний преимущественно принадлежало к католицизму. Исторически территория Белоруссии вплоть до советско-польской войны воспринималась как литовские земли. Никто из современников не питал иллюзий касательно этноконфессиональной ситуации в этом регионе. Тем не менее план передать данный регион Царству Польскому стал поводом для мыслей о царевубийстве. Вместе с тем несколькими годами ранее, в 1811 г., Александр I включает в состав Великого герцогства Финляндского Выборгскую губернию – в тысячу раз более исконную территорию, возвращенную в состав России Петром I (его место в сценариях власти продолжало оставаться ключевым) ([Belousov, 2018: 355-356](#)). И российское общество принимает этот шаг вполне спокойно. Таким образом, корень истерии в вопросе о западных губерниях следует искать в «медовом месяце» российского императора и французской прессы.

Чрезвычайно показателен следующий эпизод. В июне 1815 г. *Journal des Débats*, опубликовав анонимную и крайне нелюбимую статью о Ю. Понятовском (*Journal... 1815f*), вызвал в свою сторону шквал критики. Александр I, находясь в зените славы, делает еще один жест, очень ярко дополнивший сформулированный образ. Ю. Понятовский, как истинный польский патриот, главнокомандующий польской армией Наполеона и единственный иностранец, удостоенный звания маршала Франции, обладал статусом национального героя (*Capelle, Demory, 2008: 106*). Александр I распорядился о возвращении с особыми почестями тела Ю. Понятовского на родину. Государь поручил великому князю Константину Павловичу эту особо ответственную и символическую миссию, а позже даже разрешил установку памятника в его честь. Польская общественность с огромным воодушевлением восприняла жест российского императора и требовала того же от остальной европейской публики. И уже в следующем году было опубликовано письмо в редакцию, написанное с высокой вероятностью представителем польской политической элиты. Об этом свидетельствуют упоминания множества частных событий, произошедших в Польше. Автор письма осуждает французскую прессу за оскорбление памяти польского героя и подчеркивает важную роль Александра I как своего *нового государя* в возвращении тела маршала на родину: «С благодарностью и скорбью Польша приняла этот печальный и приятный подарок, первое свидетельство добродетелей ее нового государя <...>. В Варшаве в высшей степени трогательная церемония произвела сильнейшее впечатление на этот благородный дар» (*Journal... 1816d*).

Таким образом, французская пресса презентовала Александра I не просто как государя-освободителя, а как правителя, действующего в духе и согласно национальным представлениям о национальных интересах. Причем отметим, что подобные статьи не вызывали дискуссии, а значит, подобная репрезентация становилась бесспорной и общепринятой. Новый образ российского императора вызывал симпатию исключительно у европейской общественности, в глазах которой Александр I желал стать «своим», а не варваром с востока. Французская пресса, восхваляя своего нового кумира, оказалась настолько убедительной, что заставила поверить в полонофилию своего протагониста даже представителей российского и польского обществ.

Российский император продолжал старательно поддерживать свой образ либерального монарха и заявлял общественности, что он не входит в Польшу как победитель или захватчик, а как отец своих новых подданных, желающий всячески им помочь (*Journal... 1816e*). Этот образ захватил французскую прессу, как роялистскую, так и либеральную, что еще больше усилило впечатление и способствовало распространению дискурса на всю Европу. Журналисты с одобрением и подробно описывали визит Александра I в Польшу в октябре 1816 г., акцентируя такие действия, как личный прием им всех военных и гражданских депутатов, ношение польской формы, перестройку Дворца Яблоновских в новую городскую ратушу Польши и подчеркнутое соблюдение статей конституции (*Le Constitutionnel..., 1816f; Le Constitutionnel..., 1816g*).

Российского императора постоянно хвалили за предпринятые меры в области образования. Данная сфера занимала особо важное место в системе ценностей либеральной общественности не только Франции, но и всей Европы. Отмечалось, что за время правления Александра I в Польше было открыто много новых школ и семинарий, достигших за короткий период достаточно высокого уровня преподавания (*Journal..., 1817b*). Отдельно указывалось как на применение разнообразных методик обучения, так и на попытки внедрения новейших зарубежных разработок в данном вопросе. Например, специально для этого в Варшаву из России направлялся молодой преподаватель, прошедший стажировку в Англии (*Journal..., 1817a*). Подобные характеристики придавали российскому императору образ истинно просвещенного монарха.

О серьезной зависимости Александра I от общественного мнения можно судить на основе письма С.П. Трубецкого И.Н. Толстому от 12 ноября 1818 г. (*Письма, 2011: 190-191*). В нем он комментирует новости о высказываниях Александра I на Аахенском конгрессе Священного союза. Российский император был настолько оскорблен вопросом о крепостном праве в ответ на реплику о прекращении торговли рабами-неграми, что, по мнению С.П. Трубецкого, «оставя мать и жену за границей, он возвратился один для объявления своей воли; как он это сделает, неизвестно» (*Письма, 2011: 191*). В скобках отметим, что в этом описании Александр I предстает в образе заговорщика, который тайно, оставив близких в безопасности, неожиданно планирует объявить об отмене крепостного права. И результат такого поступка для С.П. Трубецкого вполне очевиден: «Что последует, увидим, на всякий случай должно приготовиться; если вдруг объявит, будет каша и не расхлебашь» (*Письма, 2011: 191*). Крайне любопытен следующий фрагмент: «...нельзя, чтоб не предвидели чужестранные политики, что сие должно сделать у нас всеобщее потрясение» (*Письма, 2011: 191*). Таким образом, в этом эпизоде выражается весь масштаб нарциссизма российского императора в Европе: ради того, чтобы соответствовать своему образу, он готов все бросить, немедленно приехать в Россию и объявить об отмене крепостного права, даже понимая, что это приведет к страшным потрясениям и повторению пугачевщины.

В марте 1818 г. Александр I произносит свою знаменитую Варшавскую речь на открытии польского сейма. Отклики на нее демонстрируют изменение отношения к императору и его «либеральной» политике. Опубликовав стенограмму речи (*Journal..., 1818*), французская пресса

донесла ключевые идеи Александра I не только до всей Европы, но и до России, поскольку европейская пресса являлась для российской элиты чуть ли не основным источником информации. Речь была полностью опубликована во французских газетах, но с ее стороны последовала достаточно сдержанная реакция по сравнению с конституционным кейсом. Тогда на протяжении нескольких номеров предпринимались попытки поиска источников польской конституции 1815 г., а в 1818 г. ситуация обстояла совершенно иначе. Например, после того как до Парижа дошла речь о составлении первой редакции Государственной уставной грамоты, *Le Constitutionnel* ограничился только публикацией заметки о возможном скором введении в России конституции с изложением ее основных положений (*Le Constitutionnel...*, 1819).

Сдержанную реакцию можно объяснить тем, что французские либералы не ожидали скорого введения конституционного правления в России, в отличие от Польши, где оно было оправдано уровнем развития общественных отношений. По их мнению, российское общество требовалось еще подготовить к этому (*Парсамов, 2001: 72*). Подобная реакция не могла не убедить российского императора, что, несмотря на все его усилия, он все равно останется для Европы чужим. Об этом свидетельствуют и последующие публикации, в которых появляются скепсис и опасения в контексте возникновения кризиса восточного вопроса в 1819 г.

Именно к этому периоду историки традиционно относят разворот в польской, в частности, и в конституционной политике. В 1819 г. Александр I в обход Конституции ввел цензурные ограничения для польских периодических изданий, но ограничения были наложены только на политическое содержание газет и журналов. В Польше зарождаются первые тайные общества и начинается рост студенческого движения (*Матленевич, 2010: 29*). Протестное голосование поляков на Сейме 1820 г. в еще большей степени усилили подозрения императора.

Известия об убийстве герцога Беррийского, начало восстания в Греции, в Испании и Италии порождают полномасштабную химеру в сознании российской власти. Т.В. Андреева в фундаментальном труде довольно обстоятельно изучила широко распространенную в первой четверти XIX в. мифологему о всемирном заговоре тайных обществ (*Андреева, 2009: 487-514*). Артикуляции дипломатов заставляют Александра I поверить, что все происходящее есть результат деятельности тайных обществ. Это приводит к тому, что все либеральные инициативы в Царстве Польском сворачиваются и даже на четыре года прекращаются созывы Сейма.

5. Заключение

Подведем основные итоги статьи. В историографии сложилось устойчивое убеждение, что Конституция Царства Польского была одним из этапов конституционной политики Александра I в целом. В связи с чем господствует точка зрения, что император отправлялся на Венский конгресс для того, чтобы заполучить площадку для модернизационных экспериментов, а затем распространить результаты этого опыта на остальные части России. Проведенный сопоставительный анализ деятельности российского самодержавия в Польше и отражения ее в зарубежной прессе дает возможность кардинальным образом пересмотреть данный взгляд. Александр I на Венском конгрессе добивался конституционного устройства не только для будущего Царства Польского, а всех территорий бывшей Речи Посполитой, разделенных между великими державами, так как следовал логике конституционной дипломатии, которая прочно вошла в обиход российской власти с конца XVIII в. и давала возможность создать максимально толерантные режимы. Его усилия были с восторгом встречены западным общественным мнением. И «в поисках новой славы» (скажем, перефразируя С.П. Трубецкого) император обращается к реализации перечня мероприятий – некоторые из них можно определить как либеральные, а некоторые исключительно как полонофильские. Степень зависимости российского самодержавия от европейского общественного мнения четко осознавалась современниками и, безусловно, вызывала явное неприятие. В 1818–1819 гг. происходит разочарование Александра I в перспективах его идентификации как европейского монарха, а кроме того, чуть позже во властных кругах начинает господствовать дискурс о всемирном заговоре тайных обществ. Собственно, распространением этого мифа и следует объяснять ужесточение курса, а не влиянием охранительных идей Священного союза. Таким образом, именно европейские дела оказались определяющим фактором польской политики Александра I.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России». Проект № 15–18–00119.

Литература

- Ангран, 1952* – Ангран П. Отголоски восстания декабристов во Франции // *Вопросы истории*. 1952. № 12. С. 98–116.
- Андреева, 2009* – Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. 912 с.

- Вернадский, 1925** – *Вернадский Г.И.* Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. Прага, 1925. 279 с.
- Захаров, 2006** – *Захаров В.Ю.* Политика «конституционной дипломатии» Александра I на Ионических островах в 1801–12 гг. // *Актуальные проблемы отечественной истории (межвузовский сборник статей)*. Вып. 1. М., 2006. С. 94-107.
- Захаров, 2005** – *Захаров В.Ю.* Предпосылки возникновения политики «конституционной дипломатии» Александра I // *Сб. научных трудов по Отечественной истории*. Вып. 7. М., 2005. С. 26-38.
- Захаров, 2010** – *Захаров В.Ю.* Российский конституционализм 2-й половины XVIII – 1-й четверти XIX вв. в контексте развития западноевропейской правовой мысли. Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2010. 54 с.
- Конституционная хартия, 1907** – Конституционная хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. СПб., 1907. 148 с.
- Матленгевич, 2010** – *Матленгевич Т.* Общество друзей науки в Варшаве (1800–1832). Возникновение польского славянофильства // *Вестник Северного (Арктического) государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 6. С. 26-30.
- Мироненко, 1989** – *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. 240 с.
- Парсамов, 2001** – *Парсамов В.С.* Декабристы и французский либерализм. М., 2001. 240 с.
- Письма, 2011** – Письма С.П. Трубецкого И.Н. Толстому 1818–1823 гг. // С.П. Трубецкой. Записки. Письма И.Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 165-269.
- Пыпин, 1885** – *Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1885. 543 с.
- Рей, 2013** – *Рей М.-П.* Александр I. М., 2013. 495 с.
- Сафонов, 2014** – *Сафонов М.М.* Декабризм и Речь Посполитая // *Декабристы: актуальные направления исследования*. СПб., 2014. С. 84-98.
- Станиславская, 1983** – *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. 302 с.
- Тарле, 1996** – *Тарле Е.* Наполеон. Ростов-на-Дону, 1996. 512 с.
- Трубецкой, 1983** – *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1983. 406 с.
- Тургенев, 2001** – *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2001. 744 с.
- Якушкин, 2007** – *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. СПб., 2007. 737 с.
- Article..., 1815** – Article additionnel au Traite avec la Russe // *Recueil des traités et conventions entre la France et les puissances alliées en 1814 et 1815*. Paris, 1815. Pp. 22–23.
- Belousov, 2018** – *Belousov M.S.* Political Allusions in the Decembrist Revolt // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 355-356. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.202>
- Black, 1981** – *Black J.L.* Nicholas Karamzin's "Opinion" on Poland: 1819 // *The International History Review*. 1981. Vol. 3, no. 1. P. 1-19.
- Blackwell, 1958** – *Blackwell W.L.* Russian Decembrist Views of Poland // *The Polish Review*. 1958. Vol. 3, no. 4. Pp. 30-54.
- Capelle, Demory, 2008** – *Capelle B., Demory J.-C.* Maréchaux d'Empire. Paris, 2008. 287 p.
- Constant, 1817** – *Constant B.* Tableau politique de l'Europe // *Mercur de France*. 1817/01/18.
- Journal..., 1815a** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/03/01.
- Journal..., 1815b** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/03/27.
- Journal..., 1815c** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/04/26.
- Journal..., 1815d** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/05/14.
- Journal..., 1815e** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/05/30.
- Journal..., 1815f** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/06/11.
- Journal..., 1815g** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/08/13.
- Journal..., 1815i** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1815/09/01.
- Journal..., 1815a** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1816/01/15.
- Journal..., 1816b** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1816/01/16.
- Journal..., 1816c** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1816/07/13.
- Journal..., 1816d** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1816/08/16.
- Journal..., 1816e** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1816/09/24.
- Journal..., 1817a** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1817/09/23.
- Journal..., 1817b** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1817/10/13.
- Journal..., 1818** – *Journal des débats politiques et littéraires*. 1818/04/15.
- Le Constitutionnel..., 1815a** – *Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire*. 1815/11/14
- Le Constitutionnel..., 1815b** – *Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire*. 1815/11/16.

- Le Constitutionnel..., 1815c – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/11/27.
- Le Constitutionnel..., 1815d – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/12/03.
- Le Constitutionnel..., 1815e – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/12/12.
- Le Constitutionnel..., 1816a – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/04.
- Le Constitutionnel..., 1816b – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/10.
- Le Constitutionnel..., 1816c – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/11.
- Le Constitutionnel..., 1816d – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/16.
- Le Constitutionnel..., 1816e – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/02/10.
- Le Constitutionnel..., 1816f – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/10/22.
- Le Constitutionnel..., 1816g – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/12/01.
- Le Constitutionnel..., 1819 – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1819/11/21.
- Ledonne, 2003 – Ledonne J. P. Regionalism and Constitutional Reform, 1819–1826 // *Cahiers du Monde russe*. 2003. Vol. 44, no. 1. P. 5-33.
- Morley, 1947 – Morley Ch. Alexander I and Czartoryski: The Polish Question from 1801 to 1813 // *The Slavonic and East European Review*. 1947. Vol. 25, no. 65. P. 405–426.
- Strakhovsky, 1941 – Strakhovsky L. I. Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy toward National Minorities // *The Journal of Modern History*. 1941. Vol. 13, no. 4. P. 467–492.
- Thackeray, 1983 – Thackeray F.W. N. N. Novosil'tsov, The Polish Years // *The Polish Review*. 1983. Vol. 28, no. 1. Pp. 32-46.
- The Courier, 1816 – The Courier. 1816/07/10.
- Walker, 1970 – Walker F.A. Poland in the Decembrists' Strategy of Revolution // *The Polish Review*. 1970. Vol. 15, no. 2. Pp. 43–54.
- Valette, 1964 – Valette R.M. Benjamin Constant, Dramatic Theorist // *The French Review*. 1964. Vol. 37. P. 426–431.
- Zawadzki, 1985 – Zawadzki W.H. Russia and the Re-Opening of the Polish Question, 1801–1814 // *The International History Review*. 1985. Vol. 7, no. 1. Pp. 19–44.

References

- Andreeva, 2009 – Andreeva T.V. (2009). Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti 19 v. Pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie [Secret societies in Russia in the first third of the 19th century Government's policy and public opinion]. SPb., 912 p. [in Russian]
- Angran, 1952 – Angran P. (1952). Otgoloski vosstaniya dekabristov vo Frantsii [Echoes of the Decembrist uprising in France]. *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 98-116. [in Russian]
- Article..., 1815 – Article additionnel au Traite avec la Russe. *Recueil des traités et conventions entre la France et les puissances alliées en 1814 et 1815*. Paris, pp. 22-23.
- Belousov, 2018 – Belousov M.S. (2018). Political Allusions in the Decembrist Revolt. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63. Is. 2, pp. 345-360. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbuo.2.2018.202>.
- Black, 1981 – Black J.L. (1981). Nicholas Karamzin's "Opinion" on Poland: 1819. *The International History Review*. Vol. 3, no. 1, pp. 1-19.
- Blackwell, 1958 – Blackwell W.L. (1958). Russian Decembrist Views of Poland. *The Polish Review*. Vol. 3, no. 4, pp. 30-54.
- Capelle, Demory, 2008 – Capelle B., Demory J.-C. (2008). Maréchaux d'Empire. Paris, 287 p.
- Constant, 1817 – Constant B. (1817). Tableau politique de l'Europe. *Mercure de France*. 1817/01/18.
- Journal..., 1815a – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/03/01.
- Journal..., 1815b – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/03/27.
- Journal..., 1815c – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/04/26.
- Journal..., 1815d – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/05/14.
- Journal..., 1815e – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/05/30.
- Journal..., 1815f – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/06/11.
- Journal..., 1815g – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/08/13.
- Journal..., 1815i – Journal des débats politiques et littéraires. 1815/09/01.

- Journal..., 1815a – Journal des débats politiques et littéraires. 1816/01/15.
 Journal..., 1816b – Journal des débats politiques et littéraires. 1816/01/16.
 Journal..., 1816c – Journal des débats politiques et littéraires. 1816/07/13
 Journal..., 1816d – Journal des débats politiques et littéraires. 1816/08/16.
 Journal..., 1816e – Journal des débats politiques et littéraires. 1816/09/24.
 Journal..., 1817a – Journal des débats politiques et littéraires. 1817/09/23.
 Journal..., 1817b – Journal des débats politiques et littéraires. 1817/10/13.
 Journal..., 1818 – Journal des débats politiques et littéraires. 1818/04/15.
 Konstitutsionnaya khartiya, 1907 – Konstitutsionnaya khartiya 1815 g. i nekotorye drugie akty byvshego tsarstva Pol'skogo (The Constitutional Charter of 1815 and some other acts of the former kingdom of Pol'sky). SPb., 148 p. [in Russian]
 Le Constitutionnel..., 1815a – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/11/14
 Le Constitutionnel..., 1815b – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/11/16.
 Le Constitutionnel..., 1815c – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/11/27.
 Le Constitutionnel..., 1815d – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/12/03.
 Le Constitutionnel..., 1815e – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1815/12/12.
 Le Constitutionnel..., 1816a – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/04.
 Le Constitutionnel..., 1816b – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/10.
 Le Constitutionnel..., 1816c – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/11.
 Le Constitutionnel..., 1816d – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/01/16.
 Le Constitutionnel..., 1816e – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/02/10.
 Le Constitutionnel..., 1816f – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/10/22.
 Le Constitutionnel..., 1816g – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1816/12/01.
 Le Constitutionnel..., 1819 – Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1819/11/21.
 Ledonne, 2003 – Ledonne J. P. (2003). Regionalism and Constitutional Reform, 1819–1826. *Cahiers du Monde russe*. Vol. 44, no. 1, pp. 5-33.
 Matlengevich, 2010 – Matlengevich T. (2010). Obschestvo družei nauki v Varshave (1800–1832). Vozniknovenie pol'skogo slavyanofil'stva [Friends of Science Society in Warsaw (1800–1832). The emergence of Polish Slavophilism]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 6, pp. 26-30. [in Russian]
 Mironenko, 1989 – Mironenko S. V. (1989). Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX veka [Autocracy and reform. Political struggle in Russia at the beginning of the twentieth century]. M., 240 p. [in Russian]
 Morley, 1947 – Morley Ch. (1947). Alexander I and Czartoryski: The Polish Question from 1801 to 1813. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 25, no. 65, pp. 405-426.
 Parsamov, 2001 – Parsamov V.S. (2001). Dekabristy i frantsuzskii liberalism [Autocracy and reform. Political struggle in Russia at the beginning of the twentieth century]. M., 240 p. [in Russian]
 Pis'ma, 2011 – Pis'ma S.P. Trubetskogo I.N. Tolstomu 1818–1823 gg. [Letters S.P. Trubetskoy I. N. Tolstoy 1818–1823]. S.P. Trubetskoi. Zapiski. Pis'ma I.N. Tolstomu 1818–1823 gg. SPb., pp. 165-269. [in Russian]
 Pypin, 1885 – Pypin A. N. (1885). Obschestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I [Social movement in Russia under Alexander I]. SPb., 543 p. [in Russian]
 Rei, 2013 – Rei M.-P. (2013). Aleksandr I (Aleksandr I). M., 495 p. (in Russian)
 Safonov, 2014 – Safonov M.M. (2014). Dekabrizm i Rech' Pospolitaya [Decembrism and the Polish–Lithuanian Commonwealth]. *Dekabristy: aktual'nye napravleniya issledovaniya*. SPb., pp. 84-98. [in Russian]
 Stanislavskaya, 1983 – Stanislavskaya A.M. (1983). Politicheskaya deyatelnost' F. F. Ushakova v Gretsii [Political activity of F. F. Ushakov in Greece]. M., 302 p. [in Russian]
 Strakhovskiy, 1941 – Strakhovskiy L.I. (1941). Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy toward National Minorities. *The Journal of Modern History*, vol. 13, no. 4, pp. 467-492.

- Thackeray, 1983 – *Thackeray F.W.* (1983). N.N. Novosil'tsov, The Polish Years. *The Polish Review*. Vol. 28, no. 1, pp. 32-46.
- Tarle, 1996 – *Tarle E.* (1996). Napoleon [Napoleon]. Rostov na Donu, 512 p. [in Russian]
- The Courier, 1816 – *The Courier*. 1816/07/10.
- Trubetskoi, 1983 – *Trubetskoi S.P.* (1983). Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti. [Materials about life and revolutionary activity]. Vol. 1. Irkutsk, 406 p. [in Russian]
- Turgenev, 2001 – *Turgenev N.I.* (2001). Rossiya i russkie [Russia and Russians]. M., 744 p. [in Russian]
- Valette, 1964 – *Valette R.M.* (1964). Benjamin Constant, Dramatic Theorist. *The French Review*. Vol. 37, pp. 426-431.
- Vernadskii, 1925 – *Vernadskii G. I.* (1925). Gosudarstvennaya ustavnaya gramota Rossiiskoi imperii 1820 g. [State charter of the Russian Empire in 1820]. Praga, 279 p. [in Russian]
- Walker, 1970 – *Walker F.A.* (1970). Poland in the Decembrists' Strategy of Revolution. *The Polish Review*. Vol. 15, no. 2, pp. 43-54.
- Yakushkin, 2007 – *Yakushkin I. D.* (2007). Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I. D. Yakushkina [Notes, articles, letters of the Decembrist I.D. Yakushkina]. SPb., 737 p. (in Russian)
- Zakharov, 2006 – *Zakharov V. Yu.* (2006). Politika "konstitutsionnoi diplomatii" Aleksandra I na Ionicheskikh ostrovakh v 1801–12 gg. [The policy of "constitutional diplomacy" of Alexander I on the Ionian Islands in 1801–12]. *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii (mezhvuzovskii sbornik statei)*. Is. 1. M., pp. 94-107. [in Russian]
- Zakharov, 2005 – *Zakharov V.Yu.* (2005). Predposylki vzniknoveniya politiki "konstitutsionnoi diplomatii" Aleksandra I [Preconditions for the emergence of a policy of "constitutional diplomacy" by Alexander I]. *Sb. nauchnykh trudov po Otechestvennoi istorii*. Is. 7. M., pp. 26-38. [in Russian]
- Zakharov, 2010 – *Zakharov V.Yu.* (2010). Rossiiskii konstitutsionalizm 2-oi poloviny 18 – 1-oi chetverti 19 v. v kontekste razvitiya zapadnoevropeiskoi pravovoi mysli [Russian constitutionalism of the 2nd half of the 18th quarter of the 19th centuries. in the context of the development of Western European legal thought]. Avtoref. dis. na soisk. uch. st. d. i. n. M., 54 p. [in Russian]
- Zawadzki, 1985 – *Zawadzki W. H.* (1985). Russia and the Re-Opening of the Polish Question, 1801–1814. *The International History Review*. Vol. 7, no. 1, pp. 19-44.

Влияние внешнего фактора на польскую политику Александра I

Михаил Сергеевич Белоусов ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье рассматривается один из аспектов этноконфессиональной политики российского самодержавия, а именно процесс инкорпорации Царства Польского в состав Российской империи. В историографическом обзоре показан основной вектор генезиса отечественной историографии по этому вопросу: с дореволюционного периода бытует мнение о польской Конституции как об одном из проектов в череде конституционных интенций императора Александра I. В статье предпринята попытка предложить другую интерпретацию этого явления. В частности, показано, что настойчивое стремление российского императора включить польские земли в состав России и учредить там конституционные порядки следует связывать с практикой конституционной дипломатии, вошедшей в обиход российского самодержавия после первого удачного опыта, реализованного Ф.Ф. Ушаковым на Ионических островах. Отмечается важность прессы и общественного мнения в политической жизни Европы в период после наполеоновских войн. Демонстрируется, что Александр I после Венского конгресса оказался в зените славы, – соответственно, его последующие шаги в польском вопросе объясняются стремлением и дальше поддерживать статус европейского монарха на русском престоле. При этом знаменитая Варшавская речь императора была встречена публицистами весьма прохладно. В то же время в Европе происходит череда событий (убийство наследника французского престола, восстания в Греции, Испании и Италии), и артикуляции российских дипломатов актуализируют химеру угрозы монархиям со стороны всемирного заговора тайных обществ – именно данный миф привел к сворачиванию либеральных начинаний императора.

Ключевые слова: Россия, Польша, Александр I, национальная политика, центр, регион, конституция, монархия, французская пресса.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.belousov@spbu.ru (М.С. Белоусов)